

Эпизод \[141й]////

Я – НЕ АНГЕЛ

- >> Штурман аз
- >> Командир экипажа (продолжение)
- >> Отлучение
- >> Я всё выдержу!

6 октября 1972 г. (пятница)

— *Я ведь не ангел, просто человек!* Из худ. сериала «Анна Герман» <<••>> — *Он, конечно, виноват. Но он... и не виноват. Пожалейте его, товарищи судьи. Он очень хороший человек!*

Из худ. к/ф-ма «Берегись автомобиля»

<<••>>

— *По-моему, люди плохо себя ведут, потому что нет записей их слов и поступков! А в то, что бог следит, никто уже не верит. Бог – нет, а я слежу! И всё записываю! И ваши поступки тоже!*

Из америк. худ. сериала «Доктор Хаус»

Утро этого дня выдалось безоблачным. Ничто не предвещало скверного и срыва полётов. Кое-кто потирал руки: сегодня полетаю! Это был, конечно, я!

Подхожу к штурману эскадрильи. Он как раз стоял с Галагой перед лётным домиком.

— Что улыбаешься? — хмуро поинтересовался Рассадков.

— Товарищ майор, разрешите идти? — спрашивает Галага, и я замечаю мелкие бисеринки пота у него над верхней губой.

«Писец! Надо было позже подойти!» — мелькнуло у меня.

— Иди! — и ко мне: — Выучил полёт по малому и большому кругам?

Я кивнул.

— Ну, давай, рассказывай границы малого круга!

Я рассказал.

— Большого!..

Рассказал и границы большого круга.

— А где Гоголево?

Пытаюсь сориентироваться. Так! Север там! Значит...

— Вон там!

— Где? То ж миргородский вокзал! Ну, возьми же карту, посмотри!

Не дожидаясь от меня соответствующих действий, майор сам выхватывает карту из кармана моего комбинезона. Разворачивает.

— Ну вот, видишь! Вон где Гоголево! — и майор указывает под 30 градусов от того направления, куда указывал я. — Курс в первую зону?

— 290!

— Время?

— Шесть – восемнадцать!

— Расстояние?

Я запнулся. Ведь не в зону я сейчас собрался!

Рассадков смотрит на мою карту.

— А чего у тебя... Каким размером шрифта должны выполняться надписи на карте?

— 7-12 миллиметров!

— Знаешь! А у тебя какой размер? — Рассадков достаёт из кармана миниатюрную линейку. Меряет. — Здесь 13, и здесь! Здесь 10. А здесь... опять 13! Ну-ка, неси другую карту, у какого-нибудь курсанта возьми!

В лётном домике прошу карту у Витьки Ерёменко – у него курсы, километраж и время вообще нанесены миниатюрно, чего его подставлять – не подходит! У нашего Слона нанесено огромными цифирями, миллиметров 14-15, тоже не то. Только у Сержа Ровенского – как раз то, что надо. Иду с этой картой к Рассадкову.

— Так! Тут шрифт тот, что положено! Вот видишь? Почему у тебя не такой? погоди! Ты сказал, до центра первой шесть – восемнадцать? Где же шесть – восемнадцать? Когда шесть – двадцать! Когда же ты будешь учить? Трошин!.. Трошин! Опять он ничего не знает! Когда ты его будешь учить, как следует? И карта подготовлена не по форме!

Мой инструктор подходит к нам. Глаза! Как он на меня смотрит!

— Так отстраните его от полётов! Отстраните! Они же обнаглели донельзя! Говорит: никуда они не денутся – всё равно будут планировать!

— Кто говорит? — окрысился я, тут молчать нельзя. — Я говорю?! Когда? Кому? Ну! Давайте! Позовите того, кто слышал и вам передал, что именно так я говорю!

Трошин замялся.

— Не он, другие так говорят!

— А я здесь причём?! — зло говорю я. — Или вы меня за других сейчас пороть будете?

— Вы же видите, какой он! Юрий Геннадьевич, я прошу вас: отстраните! До конца программы! Уже немного осталось...

Я стоял как обгаженный. Неподальёку на скамеечке сидели бойцы – наши техники и

механики. Они, как казалось, прислушивались к нашему разговору. Но мне и без того было не по себе. Полетал сегодня!

— Иди, Кручинин! Выучишь, на карте исправишь – подойдёшь!

Я продолжал стоять. И вдруг инструктор срывается на крик:

— Иди! Тебе сказали идти, так иди! Чего стоишь?!

Я ещё таким его не видел! И этот крик до сих пор у меня в ушах стоит.

Издевательски выжидаю ещё секунду-другую, глядя Трошину в глаза, в самые зрачки. Даже голову слегка наклонил: как интересно вы сейчас выглядите, товарищ старший лейтенант! Плохо, вы ведь сейчас сорвались в простой ситуации, и я **это** вижу.

И Трошин не выдерживает, опускает взгляд вниз. Потом перевожу взор, уже помягче, на штурмана эскадрильи, и, давая понять, что выполняю его команду, а не клик инструктора, с нажимом говорю:

— Есть, товарищ майор! — поворачиваюсь и ухожу.

В лётном домике возвращаю полётную карту Сержу. Потом подхожу к стенду с районом полётов, вывешенному на стене. И стараюсь все данные максимально запомнить. Минуты через три заходит Трошин.

— Кручинин!

Поворачиваю к нему голову, внимательно всматриваюсь в него. Трошин в глаза не смотрит, его взгляд блуждает у меня по груди.

— Почему ты так, по-свински относишься ко всем? Ты знаешь, что о тебе говорят твои друзья и приятели?

— Мои, кто? — поднимаю я бровь. — Уж не Галагу ли вы записываете мне в друзья и приятели? Меня это не интересует! Галага – подонок! Понятно? Если ему будет выгодно или там из мести, он и про вас начнёт что-нибудь придумывать и нашёптывать другим!

— Не только Галага! — «Ага, значит, всё-таки Галага!» — Все говорят! Но речь не об этом! Ты плохо готовишься к полётам! Ты на всё х*й забил! Тебе всё по х*р! Сейчас пойду к командиру звена, пусть отстраняет тебя к х*ям!

И, так и не взглянув мне в глаза, уносится воплощать свою идею в жизнь. Видимо, с Юрой Рассадковым это не вышло, не хочет тот отстранять меня от полётов! Трошин как торпедоносец долго носился по комнатам, отыскивая Хотеева. Когда он его нашёл, меня подозвали.

Я выхожу из помещения за ними в коридор. Яркие солнечные лучи плеснули мне в глаза, и стоящих справа в полутёмном углу Трошина и Хотеева я не заметил. Пошёл по направлению к выходу, думая, что мои командиры вышли туда.

•>> [Это я запомнил. Через много-много лет, планируя одну операцию по ликвидации предателя, который слишком много знал и которого поэтому серьёзно охраняли, я предложил использовать аналогичную ситуацию. Наши тщательно выбирали место. И когда перебежчик со своей охраной вышли в коридор, через дверь которого били мощные солнечные столпы, они так ничего и не поняли, даже когда раздались выстрелы. Наверное, падая, они решили, что стреляют лучи солнца...] <<••

— Куда ты?

Поворачиваюсь. Хотеев засмеялся:

— Вот это осмотрительность!

Но моему инструктору было не до смеха.

— Ничего не знает! Карта не подготовлена! Штурман задаёт вопрос, отвечает ему, что время до зоны ему не нужно, он знает расстояние! Или наоборот?

Это Трошин вспомнил наш давешний разговор в экипаже, ещё в Круче, в апреле. Тогда я в шутку высказал своё мнение: зачем загружать память лишними данными, которые нам не пригодятся? Где мы в полёте видим это расстояние? Выдержать скорость и время – вот и будет пройденный путь! В тот день никаких вскриков не было, просто посмеялись, поговорили. Валерий Иванович тогда заметил, что все параметры полёта до зоны надо знать и помнить. И вот теперь инструктор вспомнил тот самый разговор, приписывая его мне в разговоре с Рассадковым! Каков?? Или к?ково?

— Мгм, — спокойно говорю. — Только это было не со штурманом эскадрильи, а с вами, ещё в Круче. Помните, в начале лётной программы, после нашего приезда, на наземной подготовке?

Трошин аж позеленел! Он-то считал, что я буду молчать, потупив взор, и тем самым подтверждать всё, что он ни скажет про меня.

Хотеев по-прежнему весело смотрит на меня. И я обращаюсь к нему:

— Товарищ капитан, карта у меня подготовлена! Штурман сделал мне замечание лишь, что шрифт, которым выполнена надпись не 12 мм, а 13! За один миллиметр вы меня сейчас отстраните от полётов?

— Видишь, какой он? Ему слово, он двадцать в ответ! Говорит: всё равно вы меня выпустите в полёт – времени до конца осталось мало и налёт у меня небольшой!

— Это он сказал? — Хотеевские брови прыгают вверх.

Я удивлённо смотрю инструктору в очи. Трошин замялся.

— Та нет, не он, другие. — И для убедительности добавил: — Я слышал!

— Кто-то что-то говорит, а отстранять меня? Блеск! — окрылся я.

— Ты видишь, какой он? Видишь?

— Ну и что?

— Понимают они всё! Отстрани его на х*й! И всё! Чтобы другим неповадно было!

Хотеев смотрит в выписку из плановой таблицы.

— В принципе можно! Вместо его заправок пустим кого-нибудь по кругам... Но одна заправка пропадает!

— Та не пропадёт! Пусть Перевышко летает вместо него! Пусть летает. Он хочет!

— Ну, хорошо!

— Иди...

И я пошёл. В душе кипела ненависть! Я ненавидел Трошина, ненавидел Хотеева, ненавидел себя. Ненавидел всё на свете.

Но Трошин-то, каков Трошин! Зачем он так? За что?

А, может, он прав? И карта должна быть подготовлена, как следует, и параметры полёта в зоны надо досконально знать! Вот если бы я был инструктором... Выпустил бы в полёт такого подчинённого?

Погоди! Я что, отстранил бы от полёта своего курсанта за то, что у него надписи на карте сделаны шрифтом с ошибкой в один миллиметр? А потому, что по времени полёта в зону ошибся на две секунды, я потеряю ориентировку? За это отстранять от полётов? Да отослал переделать надписи, заставил всё вызубрить на зубок и лети, скворец!

Однако! Что вы от меня все хотите? Чтобы я был идеален? Когда вы были курсантами, у вас не было ошибок? Ни одной, ни одной? Вы всё знали досконально? И

отвечали на все вопросы без запинки?

Вдогонку:

••>> — *Ты совсем не ангел! Я сужу о тебе по твоим делам!*

Из америк. худ. к/ф-ма «Криминальная

фишка от Генри»

...Вечером к великой радости Галаги я уже опять нёс службу во внутреннем наряде. Он даже улыбочку свою сдержать не смог, когда выходил из казармы и увидел меня, стоящего у тумбочки дневального! Я выдержал этот взгляд и своего взора не отвёл.

Всё на день: и кто помнит, и кого.

Марк АВРЕЛИЙ

...Боже ж ты мой! Как трудно жить!

Нет! Я всё выдержу! Я буду лётчиком! Не такими, как они! Я буду лучше – честным по службе, принципиальным в отношениях и справедливым к своим подчинённым! А вы... Может быть, вы, товарищ старший лейтенант, и вы, товарищ капитан, будете в будущем самыми лучшими в мире людьми! Но вы никогда не сможете потом подарить себе утешение: я тогда со своим подчинённым, курсантом Кручининым, был строг, но справедлив! И это теперь с вами останется на всю жизнь! Посмотрим, что вы мне скажете, когда мы увидимся, и я буду офицером! Клянусь: я всё вам выложу! Всё, что я о вас думаю!..

••>> [Года через четыре после выпуска мы встретились с Равилем Хотеевым в военном санатории в Адлере.

Я после пляжа стоял в нашем корпусе, ожидая прибытия лифта, а кто-то рядом всё время посматривал на меня. Это была первая наша встреча, когда я уже был лётчиком, офицером. И Равилю Гафиевичу было интересно: узнаю я его или отвернусь, сделав вид, что впервые вижу! (Были ведь у него и такие учлёты: когда были курсантами, в глаза заглядывали, готовы были руки лизать, лаять по команде, а когда перестали от него зависеть – не узнают, надменный вид, пренебрежение во всём.) А я в ту минуту думал о своём (только что на пляже познакомился с красивой женщиной и все мысли у меня были о ней). И тут обратил внимание на того, кто смотрит на меня справа. Да ведь это мой первый командир звена! Как я обрадовался! И Хотеев тоже, ну, что не ошибся во мне! Потом мы встречались всё время – на пляже, в столовой, в клубе. Это были дни воспоминаний... Но вот что я хотел своему бывшему кэзэ сказать, когда был курсантом... я не сказал! Наверное, потому, что и время лечит, и то, что хотел говорить, стало неактуальным. А главное, многим я ему всё-таки обязан – он, именно он, капитан Р.Г. Хотеев, летом 1972 года меня **научил летать!** Поэтому, спустя годы, мне не хотелось делать ему больно... А моя курсантская боль... Она к тому времени уже прошла...

А пока... То ли ещё будет! За мной, читатель! И я покажу тебе и не такие ещё ситуации в отношениях «курсант – командир»... Когда душевная боль, о которой я вам писал выше, не ослабнет, пока она лишь усилится... Но я выдержу и это...] <<••

Вдогонку:

••>> *Жить вопреки... Жить назло... Страшно, но жить!*

Дмитрий БЫСТРОЛЕТОВ,

«Путешествие на край ночи»

••>> *В жизни не бывает ошибок, а бывают лишь уроки.*

Из записных книжек офицера

••>> — *Ты прав, что я ошибся, но неверно полагаешь, что ты прав!*

Из америк. худ. сериала

«Доктор Хаус»

Sine pennis volare haud¹

<<•>> *Если тебя бросили – расправь крылья!* Из записных книжек курсанта <<•><•>

<•>>

<

<•>>

Рождённый падать, летать не может!

Из записных книжек курсанта

<<•><•><•>>

<<•>>

Вот почему на лошадей ставят, а на людей кладут.

Из записных книжек курсанта

<<•><•><•>>

<<•>>

Я обращаюсь к вам от лица трёх миллионов трёхсот тысяч населения республики! ... Трёх миллионов баранов, и трёхсот тысяч жителей республики!

Из выступления депутата Верховного Совета РСФСР от одной из южных республик

<<•><•><•>>

<<•>>

Боги помалкивают. Может, это зрители и не боги вовсе?

NN

<<•><•><•>>

<<•>>

Любое действие обязывает. Бездействие не обязывает ни к чему. Без пруда не вынешь рыбку из него.

Кто-то из современников

<<•><•><•>>

<<•>>

Если у вас нет проблем – значит, вы уже умерли.

Из записных книжек офицера

<<•><•><•>>

<<•>>

Всё ещё будет, бабоньки! Всё ещё спереди!

NN

<<•><•><•>>

<<•>>

*То ли я такой п*здатый, то ли зеркало п*здит!*

Из записных книжек курсанта

<<•><•><•>>

<<•>>

Жди от жизни худшего – не разочаруешься!

Из записных книжек курсанта

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Учись, мой сын: наука сокращает*

□□□□□ *Нам опыты быстротекущей жизни.*

□□□□□ *Бессмысленная чернь*

□□□□□ *Изменчива, мятежна, суеверна,*

□□□□□ *Легко пустой надежде предана,*

□□□□□ *Мгновенному внушению послушна,*

□□□□□ *Для истины глуха и равнодушна,*

□□□□□ *А баснями питается она.* Александр Сергеевич ПУШКИН, «Борис Годунов» <<•>

<•><•>>

<<•>>

— *Говорят же, что война подобна шахматной игре. —□ Да, только с тою маленькою разницей, что в шахматах над каждым шагом ты можешь думать сколько угодно, что ты там вне условий времени, и ещё с той разницей, что конь всегда сильнее пешки и две пешки всегда сильнее одной, а на войне один батальон иногда сильнее дивизии, а иногда слабее роты. Относительная сила войск никому не может быть известна.*

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ, «Война и мир»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Нужно, чтоб общество сознало себя и ужаснулось.*

Антон Павлович ЧЕХОВ, «Палата № 6»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Когда общество ограждает себя от преступников, психических больных и вообще неудобных людей, то оно непобедимо.*

Антон Павлович ЧЕХОВ, «Палата № 6»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Быстро! Строго на север, порядка пятидесяти метров...*

Из худ. к/ф-ма «Бриллиантовая рука»

<<•><•><•>>

<<•>>

...пролетел, как шифоньер над Парижем...

Из записных книжек курсанта

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Две обдолбанные обезьяны и гном-расист! Пойду-ка я домой!*

Из худ. к/ф-ма «Залечь на дно в Брюгге»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Сашка, это ты?*

□□□□□ — Я.

□□□□□ — *А это кто в штопоре?* Из худ. к/ф-ма «Не болит голова у дятла» <<•><•><•>>

<<•>>

— *Вытащи меня из этого дерьма, Чарли!*

□□□□□ — *Не могу, Хэнк, ты сам подписал этот чёртов контракт!*

□□□□□ — *Выбирай: либо книга, либо адаптация секса и драки! Хотя, вру! Это тебе тоже не светит!* Из америк. худ. сериала «Калифорния» <<•><•><•>> <<•>> — *А! Жених!*

Здравия желаю!

□□□□□ — *Мухин...*

□□□□□ — *Наслышан, наслышан! Что это тебя заставило спикировать на пол?*

□□□□□ — *Да так, глупость!*

□□□□□ — *Ну что ж, бывает!..* Из худ. к/ф-ма «Не болит голова у дятла» <<•><•><•>> <<

•>>

Смену лет, закаты и восходы,

□□□□□ *И любви последней благодать,*

□□□□□ *Как и дату своего ухода,*

□□□□□ *Надо благодарно принимать.*

□□□□□ *Надо благодарно принимать...* Из худ. к/ф-ма «Служебный роман» <<•><•><•>>

<<•>>

— *Я хочу поговорить с пилотами. Меня не интересуют готовые отговорки! Думаю, что это и так понятно!*

Из америк. худ. к/ф-ма «Пилоты Таскиги»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Как ты узнал?*

□□□□□ — *Лика сказала! Всё, хватит! Ведёшь себя, как дурак!* Из худ. сериала «Последняя встреча»

<<•

><•><•>>

<<•>>

— *Рэнкл, твой друг виновен! Дело швах, приятель! Респект!*

Из америк. худ. сериала «Калифорния»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Но ты же лётчик!*

□□□□□ — *Я был им!*

□□□□□ — *Неправда! Все знают, какой ты лётчик!* Из худ. к/ф-ма «Последний дюйм»

Напоминаем, что оценить представленный материал вы можете не только в комментариях, но и с помощью выставления оценки

(по пятибальной шкале) и нажав клавишу РЕЙТИНГ вверху страницы. Для авторов и администрации сайта ваши оценки чрезвычайно важны!

¹ Sine pennis volare haud (лат.) – Без перьев летать нелегко.